

История и право

«ТРАПЕЗИТСКАЯ РЕЧЬ» ИСОКРАТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТУРИЗМА В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Новицихин А.М.
канд. ист. наук, доцент, СГУТИКД в г. Анапа

ISOCRATES'S «TRAPEZITSKAYA SPEECH» AS SOURCE OF TOURISM HISTORY IN ANTIQUE PERIOD

A.M. NOVICHIN

The article examines the information about the journey of young "bosporarin", known as "Sopey's son" to the Athens. The speech belongs to Isocrates, Athens's orator of the end of V – the first half of IV century B.C.

Статья посвящена анализу содержащихся в «Трапезитской речи» афинского оратора конца V – первой половины IV в. до н.э. Исократа сведений о характере путешествия в Афины молодого боспорянина, известного как «сын Сопея».

УДК 391/395

«Трапезитская речь» Исократа, знаменитого афинского оратора конца V–первой половины IV в. до н.э., является признанным источником по истории Боспорского царства, в первую очередь по истории взаимоотношений ранних Спартокидов и их подданных с поздне-классическими Афинами. Однако один из аспектов исторической информации, содержащейся в «Трапезитике», еще не получил должного освещения. Речь идет о характере путешествия, совершенного боспорянином, воспользовавшимся услугами афинского оратора.

Указанная речь была сочинена Исократом для судебного процесса в защиту безымянного юноши – сына Сопея, приближенного боспорского царя Сатира I (433–389 гг. до н.э.). Ответчиком на суде выступал известный афинский банкир Пасион, именно этим объясняется название речи: **трапезой** назывался не только *стол для пицшества*, но и *лавка менялы*, иначе говоря, – *банк*. Оказавшись в Афинах, сын Сопея поместил свои деньги в банк Пасиона, но хитрый банкир попытался обмануть юного боспорянина и присвоить его сбережения. Судебный процесс проходил в 394 г. до н.э. или несколько позже, в пределах 394–391 гг. до н.э.

Рассказывая судьям о причине своего появления в Афинах, истец сообщает следующее: *«Зная об этом городе и о других областях Эллады, я пожелал совершить туда путешествие. И вот отец мой, нагрузив два корабля хлебом и дав денег, отправил меня одновременно и с торговой целью и с целью людей посмотреть»* (перевод Н.Н. Залесского с дополнениями Л.А. Пальцевой [9]).

Далее излагалась суть тяжбы. Вырученные и привезенные с собой деньги боспорянин вложил в банк Пасиона. Од-

нако когда его отец Сопей был заподозрен в измене и боспорский царь Сатир потребовал конфискации средств путешественника, юноша по договоренности с Пасионом при свидетелях поклялся, что не отдавал своих денег на хранение афинскому банкиру. Когда же выяснилось, что Сопей невиновен, и его сын может вновь распоряжаться своими средствами, Пасион заявил, что никаких денег от юноши он на хранение не брал. Составленная Исократом для истца речь имела целью добиться в судебном порядке возвращения денег боспорскому путешественнику.

«Трапезитская речь» Исократа иллюстрирует несколько характерных особенностей туризма в позднеклассическое время и позволяет в новом ракурсе рассмотреть другие данные античной традиции о путешествиях и туризме в древности.

Прежде всего, правомерен вопрос о характере совершенного сыном Сопея путешествия.

В отечественной историографии, так или иначе затрагивавшей «Трапезитику», лишь в недавнем исследовании М. В. Скржинской комплексно рассмотрены вопросы познавательной, торговой, финансовой и образовательной сторон путешествия молодого боспорянина. Говоря о познавательном предназначении этой поездки, исследовательница отмечает, что, подобно многим другим молодым эллинам, Сопеид стремился в Афины прежде всего как турист, однако «в те времена путешествия с чисто познавательной целью предпринимались редко», и «в подавляющем большинстве случаев познавательная цель совмещалась с практической» ([12], С. 135–137).

Действительно, источник сообщает, что в начале IV в. до н.э. путешествие с целью знакомства с достопримечательностями сопутствовало чисто коммерческому мореплаванию, связанному с торговлей зерном. Античная традиция и современная историография подобный же вид путешествия, одновременно с торговой и с познавательной целью, приписывает афинянину Солону – известному мудрецу и выдающемуся политику начала VI до н.э. Однако, как показало недавнее исследование Х. Туманса о том, что Солон совмещал в

своих поездках коммерческие и познавательные цели, впервые написал во второй половине IV в. до н.э. Аристотель (Ath. pol., [11, 1]), более поздние биографы Солона только повторили это. Геродот же, наиболее близкий ко времени Солона автор, писавший свою «Историю» в середине V в. до н.э., сообщает только о том, что мудрец отплыл из Аттики «с целью повидать свет» (Herod. I, [29]). Сам же Солон, как типичный аристократ архаической эпохи, с презрением относился к ремеслу и торговле, в чем убеждают сохранившиеся фрагменты его стихотворений. Исходя из этого, Х. Туманс делает вывод, что Аристотель в силу следования своей концепции «золотой середины» мог сознательно приписать Солону занятия торговлей, «чтобы сделать Солона идеальным «средним» гражданином и политиком, находящимся ровно посередине между аристократией и демосом». Исследователь отметил также и то, что в рациональном мышлении современников и последователей Аристотеля с трудом могло укладываться представление о том, «как это возможно путешествовать не по необходимости, а «ради знаний»?» ([13], с. 19–39). Действительно, наделяя Солона функциями купца, Аристотель мог выразить настроения своего прагматичного века, когда в представлениях предпримчивых эллинов путешествие без коммерческой цели выглядело малодостойным занятием.

Подобная тенденция, судя по исследуемому сочинению Исократа, явственно проявилась уже в начале IV в. до н.э. А ведь всего за полстолетия до этого путешествие с познавательной целью для эллинов было явлением вполне достойным: достаточно вспомнить северопонтийский вояж Геродота для сбора данных по истории похода Дария в Скифию ([10; 11], С. 29–33). Для «отца истории» путешествие с целью познания – дело вполне естественное, он и сам путешествует с этой целью, и сообщает о подобных поездках, совершившихся и до него. Примером, помимо упоминавшегося сообщения о путешествии Солона, может служить также рассказ о самосце Силонте. Как следует из текста Геродота, «когда Камбис, сын Кира, отправился в

египетский поход, много эллинов также прибыло в Египет. Одни приехали, вероятно, для торговли, другие – как участники похода, а трети, наконец, просто хотели посмотреть страну» [Herod., III, 139]. В числе последних был житель Самоса Силосонт, познакомившийся во время поездки с персидским офицером, будущим царем Дарием I. Это знакомство и подаренный офицеру плащ помогли впоследствии Силосонту вернуть при помощи Дария захваченную узурпаторами власть над Самосом (данный сюжет Геродота с поправкой на российские реалии, возможно, был использован А.С. Пушкиным в «Капитанской дочки» ([8], с. 43–45).

Египетский поход Камбиса II состоялся весной–летом 525 г. до н.э. ([4], с. 56–59, 281). Примечательно, что о поездке эллинов в Египет для участия в войне и для того, чтобы «посмотреть страну», Геродот пишет как о вполне обычном явлении, путешествие же с целью торговли у «отца истории» вызывает некоторую неуверенность. Похоже, что в середине V в. до н.э. в сознании греческой аристократии, представителем которой был Геродот и на представителей которой было рассчитано его произведение, путешествие с коммерческой целью еще не имело статуса занятия, достойного благородного человека, поездка же с целью войны и туризма воспринималась как дело достойное. Совмещение же познавательной цели путешествия с коммерческой – традиция, сложившаяся к началу IV в. до н.э., и «Трапезитская речь» Исократа – один из первых источников, зафиксировавших это явление.

Во-вторых, «Трапезитика» содержит важную информацию о том, что боспорские путешественники для сбережения своих средств пользовались услугами афинских банкиров. Надо полагать, что это была общепринятая практика, распространявшаяся и за пределы Афин. Примечательно, что юный боспорянин воспользовался услугами самого известного афинского трапезита. Пользование банками – это новая форма, дополняющая традицию ксении, когда каждый путешественник мог рассчитывать только на помощь и поддержку ксена – друга или торгового партнера, связанного уза-

ми дружбы или взаимного гостеприимства. Речь содержит также упоминание об афинском ксене путешественника – Гипполаиде, который в качестве доверенного лица участвовал в финансовой операции с Пасионом, и о ксene его отца Сопея – Филиппе, побоявшемся помочь сыну своего друга.

Наконец, «Трапезитика» дает возможность понять, какая именно социальная группа населения Боспорского царства имела стремление к туристическим вояжам. Ставший жертвой аферы Пасиона боспорский юноша – сын высокопоставленного боспорского вельможи, приближенного царя Сатира, ставшего впоследствии, благодаря браку его дочери с сыном царя, его родственником. Похоже, что путешествие с целью познания – свойство, присущее не каждому свободному боспорянину, а лишь молодым представителям боспорской элиты. Тем более что знакомство с достопримечательностями Афин, как следует из источника, оказалось связанным с возможностью продать большое (два корабля) количество хлеба.

«Трапезитика» позволяет по новому взглянуть еще на один источник – рассказ Диодора Сицилийского о советах, данных неким оракулом Сатиру и Евмелу, сыновьям боспорского царя Перисада относительно возможных причин их смерти (Diod. XX, 22). Диодор не сообщает, какой именно оракул и в каком именно святилище дал прорицание боспорским царевичам. У нас не имеется данных, указывающих на существование святилищ с оракулами на территории Боспора, кроме, может быть, граффити первой половины V в. до н.э. из Фанагории, интерпретированного Ю.Г. Виноградовым как запрос некоего купца о перспективах торговли зерном, адресованный оракулу местного святилища Гермеса ([1], с. 69).

Очень возможно, что посещение святилища и обращение царевичей к оракулу состоялось за пределами Боспорского государства. Посещение оракулов в классической Греции было одним из распространенных поводов для путешествий ([3], с. 117). Случай, описанный Диодором, имел место во второй половине IV в. до н.э. В течение этого столе-

тия боспорские правители активно участвовали в хлеботорговле с Афинами ([5], с. 107–119; [7], с. 69). Об этом свидетельствует и рассматриваемое сочинение Исократа, и речи Демосфена (Dem. Contra Lept. 29–40; Contra Form. 36) и Дионарха (Din. Contra Dem. 43), и афинский декрет в честь Спартокидов IG, II, 212, и более позднее свидетельство Страбона (Strabo. VII, 4, 6). Вполне вероятно, что отправленные боспорскими тиранами в Афины (для продажи или в дар) корабли с хлебом сопровождали младшие члены царской семьи. В этом случае царевичи могли, как в начале века сын Сопея, совершив поездку в столицу Аттики одновременно с торговой (или же дипломатической) и познавательной целью. Таким образом, не лишено оснований предположение, что Сатир с Евмелом могли обратиться к оракулу тесно связанного с Афинами Дельфийского святилища или же, что более вероятно, к оракулу храма Аполлона на Делосе. На важную роль делосского порта (Святой гавани) в афинско-боспорской хлеботорговле указывает Демосфен, сообщающий об установлении там плит с текстами договоров о беспошлинистости, заключенными между Афинами и боспорским царем Левконом (Dem. Contra Lept. 36, 37). Судя по всему, Святая гавань являлась важным промежуточным пунктом продвижения кораблей поставщиков хлеба с Понта. Относительная удаленность от Афин Дельф и то обстоятельство, что Делос находился на морском пути из Боспора в Афины, дает больше оснований в пользу возможности посещения юными Спартокидами именно Делосского святилища.

Таким образом, «Трапезитская речь» Исократа представляет собой важный источник по истории туризма в античное время. Именно такой характер носило путешествие сына Сопея. Источник позволяет определить конец V – начало IV в. до н.э. как период, когда в традициях просвещенной греческой аристократии намечается переход от странствий с познавательной целью (каковыми были путешествия Солона и Геродота) к со-

вмещению в поездке коммерческой и познавательной целей (какими выглядят путешествия в представлении Аристотеля). Кроме того, «Трапезитика» содержит сведения об использовании античными туристами услуг банкиров-трапезитов и позволяет в новом ракурсе рассмотреть другие сообщения античных авторов о путешествиях боспорской знати.

Литература

1. Виноградов Ю.Г. Новые материалы по раннегреческой экономике // Вестник древней истории. 1971. № 1. С. 64–75.
2. Глускина Л.М. О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н.э.: Афинские трапезиты // Вестник древней истории. 1970. № 3. С. 17–43.
3. Грицкевич В.П. История туризма в древности. М. – СПб.: «Невский фонд», «Издательский дом Герда», 2005.
4. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. 319 с.
5. Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // Российская археология. 2000. № 1. С. 107–120.
6. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: «Фарн», 1992. Т. 1. 151 с.
7. Малышев А.А. Золото Кубани // Родина. 2005. № 1. С. 69–73.
8. Новичихин А.М. Пушкин и Геродот: о возможном происхождении одного из сюжетов «Капитанской дочки». «Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды...». Проблема свободы в аспекте современности // Материалы межвуз. науч.-практич. конф. «Пушкинские чтения – V». Краснодар, 2004. С. 43–45.
9. Пальцева Л.А. Материалы по истории Причерноморья в античную эпоху. Исократ и Эсхин. СПб., 2001. Ч. I. // <http://www.centant.ru.ru>
10. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979. 245.
11. Рыбаков Б.А. Путешествие Геродота в Скифию // Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М.: МГУ, 1984. С. 29–33.
12. Скржинская М.В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // Вестник древней истории. 2002. № 2. С. 133–142.
13. Туманс Х. Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона // Вестник древней истории. 2007. № 2. С. 19–39.